

Евразия: сложности управления

Ю.И. Надточей, И.А. Сафранчук

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
МакМиллан Центр международных и региональных исследований Йельского университета, США

Рецензия на книгу: Sakwa R., Dutkiewicz P., Lukyanov F. (eds.) *Eurasia on Edge: Managing Complexity*. Lanham: Lexington Books, 2018. 324 p.

Ключевые слова: Евразия, евразийская интеграция, безопасность, институты, постсоветское пространство, российско-китайские отношения, ЕАЭС.

Тема роли и места евразийского континента в современных международных отношениях не является принципиально новой для исследовательского сообщества. Подобных научных работ ежегодно издаётся довольно много, однако лишь немногие из них заметно выбиваются вперед благодаря наличию в них нетривиальных исследовательских подходов и новаторских оценок изучаемых явлений и феноменов. К таковым, несомненно, относится и коллективный труд, подготовленный группой влиятельных политологов и специалистов по международным отношениям «Евразия на грани: сложности управления» под редакцией П. Дуткевича, Р. Саквы и Ф. Лукьянова.

Эта работа стала результатом совместных усилий академических сообществ Дискуссионного клуба «Валдай», Центра общественного управления и менеджмента (Канада) и исследовательского института *TRENDS Research & Advisory (OAE)*, а её появление на рубеже десятилетий (2010-2020-х гг.) вряд ли можно назвать простой случайностью. Поднимаемые авторами монографии исследовательские вопросы и поиски ответов на них проводят своего рода символический водораздел в развитии стран и целых регионов, расположенных на евразийском континенте. Этим определяется её актуальность и новизна. Работа охватывает широкий круг тем – от роста новых центров силы в Евразии до развития на её просторах новых интеграционных проектов, влияющих на динамику не только региональных, но общемировых политических и экономических процессов.

УДК: 327.5

Поступила в редакцию: 15.07.2019 г.

Принята к публикации: 11.11.2019 г.

Безусловно, по отдельности все эти исследовательские сюжеты освещались в научной и экспертной литературе и ранее. Однако одной из несомненных заслуг авторов рецензируемой монографии стала попытка (причём весьма не безуспешная) собрать под одной обложкой и обобщить сложные феномены большой евразийской геополитики, объединяя их центральной идеей. *Суть её заключается в наделении Евразии «интегральной субъектностью», которой она была лишена в первое десятилетие после холодной войны, в силу фактической, а также интеллектуальной однополярности и доминирования первой в истории мировой цивилизации неевразийской державы – США.*

Заданный ещё в 1997 г. З. Бжезинским вектор, согласно которому в американском – и ещё шире в евроатлантическом дискурсе – Евразия рассматривалась как подобие некоей шахматной доски, а отдельные её части – такие как постсоветское пространство – даже «чёрной дыры», закреплял за Евразией всего лишь место географического материка, а не международного политического макрорегиона, имеющего собственную внутреннюю логику и динамику развития (Бжезинский 1998: 58). Эти обширные географические пространства – прежде всего пространство бывшего СССР – рассматривались как материал, как площадка апробации западных социально-экономических и политических практик, как территория, которая в перспективе могла бы быть подключена к евроатлантической системе, причём на условиях правил функционирования самой этой системы.

Однако к концу второго десятилетия XXI в. подобные интеллектуальные штампы выглядят уже явным анахронизмом, уступая место потребности в более взвешенных и научно обоснованных оценках роли Евразии в мировой политике. Возвышение евразийских гигантов (КНР, Индии), долгое время рассматривавшихся в качестве стран «второго эшелона» мировой экономической и политической систем, нашло отражение уже в новых работах по евразийской проблематике. Не остались незамеченными и тенденции трансформации постсоветского пространства, его истории, политики, культуры, которое пройдя через годы «интеллектуального забвения», вновь стало предметом скрупулезных исследований и острой экспертной полемики о роли Северной Евразии в международных отношениях (Новая имперская история...2017; Пути и поля...2019; Тренин 2012; Преобразование...2017).

По времени они совпали с кризисными явлениями в рамках самой однополярной системы и составляющих её элементов (государств, союзов, организаций), для которой Евразия ранее выступала своего рода мишенью для отработки геостратегий, направленных на переваривание евразийской континентальной массы (*Eurasian landmass*). Теперь же сама однополярная система во главе с её гарантом США в той или иной мере перешла от стратегии вовлечения в свою орбиту евразийских стран и регионов (*engagement*), к стратегии высвобождения (*disengagement*) и занятия своего рода позиционной обороны их сдерживания (Brooks, Wohlforth 2016: 4-5).

Представляется, что авторы рассматриваемой нами коллективной работе в значительной степени продолжили эту линию на переосмысление евразийского дискурса в свете новых геополитических и геоэкономических реалий. В условиях нарастающих центробежных тенденций внутри евро-атлантического сообщества и центростремительных внутри евразийских «больших пространств», их труд по праву может считаться явным отходом от устоявшегося однополярного тезиса конца XX – начала XXI вв.

Исследование основывается на трёх ключевых нарративах, характеризующих процессы в Евразии. Из них, по мнению авторов, вытекает и её субъектность в трёх сферах (экономической, политической, институциональной) (с. 271). Отдельный блок вопросов общий для всех этих сфер составляют вопросы безопасности. Здесь авторы также предлагают ряд новаторских исследовательских подходов. В частности, интересным представляется оригинальное применение в работе уровней анализа, позволившее исследователям создать «трёхмерный отпечаток вызовов для Евразии в области безопасности» (*3D security scan*) на внутригосударственном, региональном и глобальном уровнях (с. 275).

Как справедливо отмечают авторы, границы между этими уровнями отнюдь не являются непроницаемыми, а это значит, что для обеспечения безопасности на евразийских просторах необходимо предотвращать эффект «перетекания» вызовов с одного уровня (например, с внутригосударственного на региональный) на другой и препятствовать формированию «трансграничных кластеров угроз».

Одной из важнейших и можно сказать центральных сюжетных линий в книге выступают российско-китайские отношения. Эта проблематика для всей работы является как бы сквозной, пронизывающей все прочие сюжеты, посвящённые более конкретным вопросам – безопасности, экономике, интеграции, внутренней политике отдельных стран и регионов.

Такая задумка авторского и редакторского коллективов вполне объяснима текущим моментом: впервые с конца 40-х – начала 50 гг. прошлого века – времени формирования ещё советско-китайского тандема – Москва и Пекин синхронно не подвергались столь мощному внешнему давлению со стороны Вашингтона. И если первая попытка строительства между двумя державами «братства на век» была неудачной в силу идеологических причин, то теперь сближение базируется на принципах политического реализма и обуславливается уже скорее вынужденным прагматизмом. Как справедливо отметил один из авторов работы Ж. Хуашенг, для КНР Евразия (в том числе и Россия) является собой скорее стратегический тыл, а не источник опасности (с. 271), в то время как для РФ, Китай является важным источником модернизации в условиях продолжающегося конфликта с евроатлантическими странами.

Так называемый «поворот на Восток», ставший модной темой последних нескольких лет вначале в американском, а затем и в российском политико-экспертном дискурсе, потребовал от специалистов его более тщательной, эксперт-

ной проработки, лишённой пустой риторики (К Великому океану...2017). К тому же реальная политика внесла свои коррективы с саму суть концепции «поворота». Если изначально он ассоциировался с американскими планами укрепления отношений с КНР в формате G2, то последующий отказ от них Вашингтона и переход к сдерживанию Пекина содержательно изменил политику и стратегию США в Азии. Российское сближение с Китаем в условиях нарастающих трений Пекина и Москвы с Западом (прежде всего, с США) создало предпосылки для ренессанса своего рода «большого треугольника» – США – КНР – РФ, с той существенной разницей, что конфликтующие углы в нём теперь расположены по иному принципу: вместо американско-китайского тандема времён холодной войны возник тандем российско-китайский (т.е. подлинно евразийский).

Насколько он окажется прочен – вопрос далеко не теоретический. В самой системе отношений между Поднебесной и Российской Федерацией складывается две группы факторов как способствующих сближению, так и препятствующих ему. К первой, несомненно, можно отнести декларируемые принципы: обе страны заявляют о неприятии американского доминирования в мире, не принимают тезис о безальтернативности неолиберальной модели западной демократии, твердо стоят на страже своего суверенитета, разделяют озабоченность в отношении таких угроз и вызовов как терроризм и сепаратизм.

Вторую группу факторов составляют причины и обстоятельства, не способствующие сближению России и Китая и консервирующие различия в их стратегических приоритетах. В геополитической сфере эти различия, например, проявляются по части целей построения желаемого мирового порядка. Р. Вайц в своей главе отмечает, что Китай остается государством статус-кво, нацеленным на сохранение существующей системы международных отношений и её институтов, некогда созданных по инициативе США. КНР никогда не стремилась оспаривать статус Америки как военной сверхдержавы, ставя под сомнение (весьма обоснованно) лишь экономические основы однополярной системы (с. 154). Добиваясь её модернизации, Китай пытается занять в ней место одного из бесспорных экономических (а не военных) лидеров, в то время как Москва никогда не скрывала своего неудовлетворения, прежде всего, именно военно-силовой однополярностью Вашингтона и, как показывает практика (Грузия, Украина, Сирия), готова противодействовать ей гораздо жёстче, чем Пекин.

Это обстоятельство создаёт существенные препятствия на пути налаживания между двумя странами согласованных действий в области «высокой» политики безопасности (формирование полноценного военно-политического союза антиамериканской направленности). Больше же сближение на военно-политической основе, по мнению А. Лукина, возможно только если США открыто начнут процессы силовой «демократизации» как Китая, так и России, что в нынешних условиях представляется маловероятным исходом (с. 265). Однако остаётся широкое пространство для сотрудничества в сфере безопасности на более «низком» уровне (борьба с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом).

Здесь возникает второй сюжет, которому авторы уделяют особое внимание – региональная безопасность, обеспечение которой в условиях дисбалансов в российско-китайских отношениях является крайне сложной задачей.

Ситуация усугубляется и тем, что конфликтные точки Евразии, в условиях глобализации и взаимозависимости всё больше стягиваются в единое конфликтное поле, через которое нестабильность распространяется на те части материка, которые в силу своей отдалённости напрямую не связаны с конкретными очагами напряжённости, но испытывают на себе их деструктивное воздействие. По сравнению с европейским и евроатлантическим пространствами, в Евразии нет такой разветвлённой сети региональных институтов безопасности, способных стабилизировать политическую обстановку, гася конфликтность через развитые интеграционные структуры. Нет там и свойственной Европе политической однородности групп государств. Более того, даже сами страны Евразии, как отмечают авторы, понимают Евразию по-разному (с. 2). Категории этих стран также варьируются – от великих держав (России, КНР) и важных региональных государств (Турция, Иран), способных (при наличии у них политической воли) выступать стабилизаторами международной обстановки, до несостоявшихся или находящихся близко к этому статусу государств (Сирии, Афганистана). Последние невольно, в силу собственной хрупкости, привносят в евразийский геополитический порядок элементы дезорганизации и даже хаоса.

Тень асимметрии российско-китайских отношений ложится и на проекты евразийской интеграции – ещё один из важных сюжетов, освещаемых авторами. Безусловно, они признают, что пик дезинтеграционных процессов в Евразии – особенно на постсоветском пространстве – остался позади, а в предстоящие десятилетия нас ждёт время консолидации осколков «бывшей империи», разорванных геополитическими сдвигами начала 90-х гг. На практике, однако, не всё оказывается так просто. С одной стороны, процесс поглощения постсоветских территорий евроатлантическими странами и организациями в значительной мере исчерпал себя, а сближение республик бывшего СССР с запуском проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС) уже стало больше походить на «настоящую» интеграцию, весьма отличную от процедуры «мирного развода» и дележа советского наследия, реализовывавшуюся в рамках Содружества Независимых Государств. Примечательно, что в главе по евразийской интеграции, подготовленной Е. Винокуровым и А. Либманом, СНГ в качестве интеграционного объединения не рассматривается вовсе (с. 35).

С другой – интеграция «нового типа», начавшаяся уже в XXI в., не ограничивается региональными постсоветскими рамками, становясь евразийской в полном смысле этого слова с подключением к ней субъектов, никогда не входивших ни в состав СССР, ни впоследствии в состав СНГ – в первую очередь Китая.

Фактически авторы признают, что возможности России по реинтеграции постсоветского пространства в одиночку были и остаются ограниченными. Однако между прошлым и настоящим подходами России к интеграции имеются

различия. Изначально республики бывшего СССР рассматривались Москвой как субъекты, которые наряду с Россией в перспективе присоединятся к большой Евро-Атлантике. Предполагалось что такая евро-атлантическая интеграция фрагментов бывшего СССР будет по-прежнему происходить под чутким российским контролем, поскольку именно статус России как правопреемницы СССР, с точки зрения российских реформаторов ельцинской поры, давал ей несравненно большие права и привилегии по сравнению с другими бывшими советскими республиками, а следовательно, позволял не только говорить с Западом на равных, но и совместно с ним определять решения, касающиеся других стран СНГ, нередко не считаясь с интересами последних.

Однако со временем признание Москвой иллюзорности собственной перспективы евро-атлантической интеграции «на условиях России», помноженная на попытки реорганизовать постсоветское пространство через политику активного вмешательства в дела сопредельных государств, ещё в большей степени поставили под вопрос легитимность российских притязаний на первенство среди равных в постсоветской Евразии. Ускорился процесс расхождения ткани пространства СНГ, отдельные части которого (Грузия, Узбекистан, Украина) всё больше стали тяготеть к альтернативным центрам силы в Евразии (Китаю, Турции, Ирану), ориентируясь, в том числе, на выдвигаемые ими геополитические и геоэкономические проекты. Россия же вынуждена считаться с этим фактом и именно по этой причине от неё и её ближайших союзников (Беларуси) исходят такие инициативы как «интеграция интеграций» или сопряжение ЕАЭС с китайской инициативой «Один пояс – один путь».

Принимая в расчёт данные реалии, можно согласиться с доводами авторов о том, что дальнейшие перспективы интеграционных процессов на постсоветском пространстве будут зависеть, в том числе, и от тех внерегиональных и непостсоветских партнёров Москвы (Пекина, Тегерана, Стамбула), которые выразят готовность к сотрудничеству с ней по таким вопросам, не забывая при этом о своих интересах. И здесь возникает вполне закономерный вопрос, к которому исследователи постепенно подводят читателя: будет ли Евразия выстроена вокруг постсоветского пространства, которое обретёт субъектность или же скорее эта субъектность будет создаваться за счёт «поглощения и освоения» этого пространства сопредельными странами, растворившись в альтернативных проектах без российского или с второстепенным российским участием (Большая Азия, Большой Туран и т.д.)

Так или иначе, но авторы далеки от мысли, что в Евразии возможно сконструировать некую особую идентичность, схожую с той, что создана в Европе, субъектность которой (в лице ЕС) мало кем подвергается сомнению. Страны и регионы евразийского материка представляют собой настоящий образец плюрализма. Это настоящий конгломерат различных политических, экономических и социокультурных паттернов, унификация которых представляется недостижимой целью.

Такой сложносоставной характер евразийской геополитической картины, её мозаичность, помноженная на неопределённость вопроса о самих границах Евразии и действующих на её арене акторов, заставляют задуматься о её способности контролировать глобальный хаос. Ведь с этой задачей в недавнем прошлом не смогли справиться евро-атлантические страны во главе с США, о чём свидетельствует опыт таких амбициозных проектов как пространство безопасности от Ванкувера до Владивостока.

Этот вопрос авторы монографии оставляют без однозначного ответа, предлагая найти его читателю самостоятельно, вернее выбрать из трёх возможных опций – сценариев, предложенных П. Дуткевичем и Р. Саквой. Каждый из сценариев связан с определённой перспективой будущего развития Евразии (пессимистичной, оптимистичной и реалистичной). И если первые два представляют собой некие радикальные альтернативы – либо безудержный прогресс, либо неизбежный упадок общеевразийского сотрудничества, – то третья альтернатива предполагает гораздо большую вариативность потенциальных рисков и возможностей.

Авторы не склонны видеть в сложной евразийской картине (а именно слово *complexity* вынесено в заголовок книги) путь к фиаско евразийских стран и регионов, а равно и не рисуют её будущее в радужных тонах. Скорее, напротив, сложность и многообразие форм и моделей развития Евразии может быть как ключом к успеху, так и препятствием на пути к нему.

В конечном счёте, вариативные модели нелиберальной модернизации принесли плоды многим евразийским странам, в то время как идеологический монизм западных демократий, основанный на неолиберальных концептах и рецептах унификации (рыночная экономика плюс либеральная демократия) далеко не всегда способен решать практические задачи в условиях неопределённости. В нестандартных кризисных ситуациях (будь то миграция, экономическая рецессия, региональный сепаратизм) политико-экономическая и идеологическая гомогенность евро-атлантического сообщества лишает его членов достаточной гибкости, а евразийская гетерогенность может создать пространство для компромиссов, столь необходимых в условиях нарастающей международной нестабильности.

Очевидно, что подобная культура компромиссов понадобится евразийским государствам и региональным организациям не только в диалоге с внешним миром и неевразийскими акторами (странами и региональными группировками Европы, Северной и Южной Америки, Африки). Прежде всего, это необходимость для внутривевразийского диалога. Особенно между наиболее крупными его участниками, выстраивающими плотную ткань отношений как в многосторонних форматах (ШОС, БРИКС, ЕАС), так и на уровне двусторонних связей.

Приведут ли Евразию такие форматы сотрудничества к долгой эре стабильности и процветания, станет понятно уже в ближайшем будущем, так как именно сейчас в сложных для многих крупных, средних и малых стран материка про-

ходят своего рода стресс-тесты евразийских интеграционных проектов. Можно согласиться с мнением авторов о том, что Евразия перестаёт быть реципиентом западных политических, экономических и социальных практик и становится поставщиком новых идей и новых подходов (с. 272)

При этом крупные и наиболее влиятельные евразийские страны (в первую очередь, РФ и КНР), выступающие в роли интеграторов евразийских пространств, не склонны действовать в духе «нормативной силы», свойственной ЕС. Напротив их интеграция реализуется в русле концепций незападного регионализма, который базируется на интересах, а не на нормах и принципах, а потому здесь вряд ли найдется место практикуемой ЕС политике обусловленности, где объём и масштаб сотрудничества с внешними неевропейскими странами определяется уровнем их демократичности и приверженности ценностям Союза.

Возможно, что именно эти практики и подходы, отрабатываемые в наши дни на евразийских просторах, постепенно кристаллизуются в уже и более общие принципы будущего мирового устройства. Станут ли они той самой основой искомого одними и избегаемого другими многополярного мира – мира более сложного, гетерогенного, но, в то же время, возможно, более многообещающего и перспективного?

Книга под редакцией П. Дуткевича, Р. Саквы и Ф. Лукьянова призывает к дальнейшим размышлениям над этим бесконечно сложным, дискуссионным вопросом. В этой связи она вряд ли может считаться «законченным научным исследованием», опирающимся на чёткую теоретико-методологическую базу. Скорее этот труд представляет собой хороший, обстоятельный обзор текущих тенденций, проблем и перспектив, объясняемых доступным языком, а потому адресованный не только узкой группе специалистов, но и довольно широкой по охвату читательской аудитории, интересующейся международными отношениями.

Об авторах:

Юрий Иванович Надточей – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО.

Иван Алексеевич Сафранчук – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, ИМИ, МГИМО Университет; научный сотрудник и лектор, МакМиллан Центр международных и региональных исследований Йельского университета.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: July 15, 2019
Accepted: November 11, 2019

Eurasia: Challenges of Governance

Yu.I. Nadtochey, I.A. Safranchuk
DOI 10.24833/2071-8160-2019-6-69-188-197

Moscow State Institute of International Relations (University)
MacMillan Center for International and Area Studies, Yale University, USA

Book review: Eurasia on Edge: Managing Complexity. Lanham: Lexington Books, 2018. 324 p.

Key words: Eurasia, Eurasian integration, security, institutions, post-Soviet space, Russian-Chinese relations, EAEU.

About the authors:

Yu. I. Nadtochey – Candidate of Science (History), associate professor at MGIMO – University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454.

Ivan A. Safranchuk – PhD in Political Science, senior research fellow at the Institute of International Studies, MGIMO-University, 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454; associate research scholar and lecturer at the MacMillan Center for International and Area Studies at the Yale University, 34 Hillhouse Ave, New Haven, CT 06511, USA.

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Brooks S.G., Wohlforth W.C. 2016. *America Abroad: Why the Sole Superpower Should Not Pull Back from the World*. New York: Oxford University Press.

Brzezinski Z. 1998. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [Grand Chessboard. The Domination of America and its Geostrategic Imperatives]. Moscow: International relations. P. 58. (In Russian)

Novaya imperskaya istoriya Severnoi Evrazii [The New Imperial History of Northern Eurasia]. 2017. In 2 parts / ed. Kazan: "Ab Imperio". (In Russian)

Puti i poyasa Evrazii. Natsional'nye i mezhdunarodnye proekty razvitiya na Evraziiskom prostranstve i perspektivy ikh sopryazheniya. [Ways and Belts of Eurasia. National and International Development Projects in the Eurasian Space and Prospects for their Integration]. 2019. Ed. by A.V. Lukin, and V.I. Yakunin. Moscow: Ves Mir publishing House. (In Russian)

Trenin D.V. 2012. *Post-imperium: evraziiskaya istoriya* [Post-Imperium: Eurasian History]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Preobrazovanie Evraziiskogo prostranstva: obshchie perspektivy v predstavlenii analiticheskikh tsentrov Kitaya, Rossii i Kazakhstana [Transformation of the Eurasian Space: Common Perspectives in the Representation of Analytical Centers of China, Russia and Kazakhstan]. 2017. Ed. Moscow: Valdai international Discussion club. (In Russian)

K Velikomu okeanu – 5: ot povorota na Vostok k Bol'shoi Evrazii [To the Great ocean – 5: from turning East to Greater Eurasia]. 2017. Moscow: Valdai international Discussion club. (In Russian)

Литературы на русском языке

Бжезинский З. 1998. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. Москва: Международные отношения. С. 58.

Новая имперская история Северной Евразии. 2017. В 2-х частях. Под ред. И.В. Герасимова. Казань: «Ab Imperio».

Пути и пояса Евразии. Национальные и международные проекты развития на Евразийском пространстве и перспективы их сопряжения. 2019. Под ред. А.В. Лукина и В.И. Якунина. Москва: Издательство «Весь мир».

Тренин Д.В. 2012. *Post-imperium: евразийская история*. Москва: РОССПЭН.

Преобразование Евразийского пространства: общие перспективы в представлении аналитических центров Китая, России и Казахстана. 2017. Под ред. Т.В. Бордачева. Москва: Международный Дискуссионный клуб «Валдай».

К Великому океану – 5: от поворота на Восток к Большой Евразии. 2017. Москва: Международный дискуссионный клуб «Валдай».